НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 116

НОВАЯ ЕВРОПА — СТАРЫЕ ОППОНЕНТЫ?

МОСКВА 2021

Никитский клуб
Н62 Цикл публичных дискуссий.
«Новая Европа — старые оппоненты?»
Выпуск 116 — М., 2022 — 40 с.

В кратких тезисах доклада Фёдора Лукьянова «Новая Европа — старые оппоненты?», с последующим обсуждением темы на заседании Никитского клуба, в частности, отмечено: *ситуация в мире быстро меняется, в Европе, похоже, особенно быстро; Старый Свет впервые за несколько столетий превращается в мировую периферию, главные события будут разыгрываться не здесь; что это значит для Европы и России? верно ли, что время устойчивых блоков сменяется эпохой ситуативных союзов? как скажется изменение американской политики в Европе? Европа без фиксированных блоков и американской «крыши» — это же вылитый XVIII век, а если учесть всё чаще всплывающие нарастающие аналогии с Диким полем — как бы и не XVI-й!*

После холодной войны перестали действовать институты, которые обеспечивали существование Восточного блока, Советского блока. Из институтов, действовавших во второй половине XX века, сохранилась только «западная» часть. И идея нового мирового порядка, либерального мирового порядка, под патронатом Соединённых Штатов и их союзников заключалась в том, что эти самые институты как победители холодной войны (с чем длительное время никто не спорил) имеют основание распространиться на весь мир. (*Фёдор Лукьянов*)

Почти 70 лет относительного спокойствия в Европе после Второй мировой войны были скорее эпизодом, в то время как предыдущие столетия турбулентности — скорее правилом. То, что происходит вокруг Востока Украины, выглядит чрезвычайно нетрадиционным для последних десятилетий. Ничего подобного за 60–70 лет после Второй мировой войны не происходило в Европе. Такая турбулентность, по-видимому, надолго, потому что утратилась простота организации миропорядка. Нынешние кризисы раздуваются более мощными медийными машинами и отличаются от прежних, помимо прочего, тем, что они не кончаются. Никакой из кризисов, который мы видели за последние годы не завершился по типу V, как говорят экономисты, то есть быстро разразился и быстро закончился. (*Александр Привалов*)

ББК 66.4(4); 66.4(2Рос)

© Московская Биржа, 2022
© Никитский клуб, 2022

Заседание
«Новая Европа — старые оппоненты?»
24 ноября 2021 года

Участники обсуждения:

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в Москве в 1999–2014 гг.

Дискин Иосиф Евгеньевич, научный руководитель ВЦИОМ, профессор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук

Лукьянов Фёдор Александрович, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Миркин Яков Моисеевич, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор

Привалов Александр Николаевич, вице-президент, председатель Совета Никитского клуба, научный руководитель журнала «Эксперт»

Привалова Мария Александровна, директор ЦУНБ имени Н.А. Некрасова

Рахматуллин Рустам Эврикович, эссеист, москвовед

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель главного редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор исторических наук

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов

Судари мои! Приступаем к нашему очередному «электрическому» заседанию. Всем безумно это надоело, всем хочется повидать живых людей, но пока это вне пределов наших возможностей.

Сегодня мы обсуждаем тему настолько очевидно актуальную, что мне, собственно, никакого вступительного слова и говорить не надо. Те из нас, кто достаточно давно живёт, а у нас таких в составе много, они, конечно, помнят разные события предыдущих десятилетий — «Берлинский кризис», «Карибский кризис»…

Бывали кризисы весьма острые и весьма пахнущие дурными последствиями и раньше, они есть и сейчас.

А.Н. Привалов

Но раньше они как-то были, я бы сказал, одиночными. Они, как нарыв, назревали, назревали, прорывались и заканчивались. Нынешние кризисы, которых много, которые раздуваются гораздо активнее, гораздо более мощными медийными машинами, отличаются от прежних, помимо всего прочего, ещё и тем, что они не кончаются. Никакой из кризисов, который мы видели за последние годы, скажем, не завершился по типу V, как говорят экономисты, то есть быстро разразился и быстро закончился. Они наслаиваются друг на друга, они образуют какую-то совершенно неразрешимую мозаику, из которой даже специалистам не очень видно, каковы возможные варианты развития событий. И в этом смысле они, конечно, чрезвычайно тревожны для всех, кто минимально следит за ходом событий. Может быть, сейчас единственный разумный вариант — не следить за ходом событий, но это не всем по силам.

То, что происходит конкретно вокруг Востока Украины, выглядит чрезвычайно нетрадиционным для последних десятилетий. Ничего подобного за 60–70 лет после Второй мировой войны не происходило в Европе. И к этому, по-видимому, нам придётся привыкать. Такая турбулентность, по-видимому, надолго, потому что утратилась простота организации миропорядка. Ведь почему прежние кризисы разрешались просто? Потому что просто был мир. Две супердержавы, поле сил между ними, все в этом поле так или иначе сориентированы — и всё, в общем, понятно. Сегодня

не понятно ничего. Количество супердержав разные люди могут считать по-разному. Про их взаимное расположение друг к другу понятно только, что оно не очень ласковое.

Есть ощущение, что никакой стабильности в ближайшие годы вообще не будет, что будет продолжаться какая-то такая текучая перегруппировка сил в каких-то новых силовых полях, пока не очень различимых. И в этом смысле чрезвычайно важно, что всё-таки в этом нынешнем сумбуре, в этом хаосе сохраняются какие-то длинные исторические линии. Мы, как всякое нормальное поколение из сотен поколений, прошедших по Земле, мы же ничего не делаем заново, всё продолжает что-то, сделанное предками. В частности, некоторые для нас, для России, может быть, самые неприятные силовые линии, которые сейчас складываются в Европе, складываются по двум очень давним противостояниям. Я говорю, во-первых, о том, что Пушкин когда-то назвал старинным спором славян между собой: «...Кто устоит в неравном споре:/ Кичливый лях, иль верный росс?» Эта линия возобновилась с необычайной остротой. Ничего подобного не было, пожалуй, с наполеоновских времён.

Восстановилась и другая линия напряжённости, на которой возникали десятки войн разной величины, разной степени ожесточённости. Это линия противостояния с нашим южным соседом — с Турцией. Что позволяют себе польские власти в разговорах о нашем Отечестве, мы все видим. Это феноменально, я бы сказал. Что говорит уважаемый господин Эрдоган не по поводу нашего Отечества, по поводу своих планов экспансии, читать страшно. Те карты, которые он показывает, желаемого доминирования Стамбула, они резко превышают наибольший в истории размер Османской империи. То есть две старые линии напряжения вновь сгустились.

Как бы ни было приятно вспоминать почти 70 лет относительного спокойствия в Европе после Второй мировой войны, они были всё-таки эпизодом. А вот то, откуда сейчас выплывают воспоминания, вот эти столетия турбулентности, они в Европе скорее были правилом. И, наверное, надо попытаться понять, в какой степени, в какой остроте эти правила могут сейчас восстановиться.

Поговорить с нами на эту тему согласился Фёдор Александрович Лукьянов. Я думаю, что нет ни малейшей нужды его представлять. Я могу, у меня написаны практически все его титулы — и что он главный редактор журнала, и что он председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Титулы я перечислять не буду, мы все и так его знаем. Фёдор Александрович, прошу вас.

Ф.А. Лукьянов

Спасибо большое, Александр Николаевич! Добрый вечер, уважаемые коллеги, друзья! Долго собирались, наконец-то собрались. С одной стороны, жалко, что онлайн. С другой стороны, даже неплохо, потому что я неожиданно заболел. Не тем, чем все сейчас болеют, слава богу, старая добрая ОРВИ. В общем, я, наверное, не смог бы прийти в таком виде и состоянии на очную встречу.

Александр Николаевич начертил такую большую рамку, что, конечно, понадобится очень много времени, чтобы всю её охватить. Да, наверное, это и невозможно, потому что как раз особенность того мира, в котором мы оказались и в котором, я совершенно убеждён, будем жить долго, — это не переходный этап от порядка одного к порядку другому. Это вот такой порядок и есть, хотя порядком это назвать

трудно, — в общем, то устройство, которое мы сейчас имеем. Даже не устройство, контекст, который мы имеем, он, как ни странно, может быть гораздо более долгосрочным и устойчивым, чем нам кажется.

Ф.А. Лукьянов

Это достаточно новое ощущение, потому что всё-таки все мы полагали, что да, идёт постепенный демонтаж той модели международного устройства и международной безопасности, которая возникла во второй половине XX века. Это неизбежно, потому что кардинально изменилась вся международная ситуация и на смену что-то такое придёт.

За последние 10–15 лет мы предполагали разные виды того, что придёт на смену. Самая последняя по времени гипотеза заключалась в том, что придёт новая биполярность в виде Соединённых Штатов и Китая. Но пока, во всяком случае, ощущение такое, что все эти предположения не оправдываются или, точнее говоря, оправдываются все одновременно. В результате получается, что никакой стройной схемы не возникает. Поэтому я попробую очень тонкими штрихами обозначить какие-то важные моменты, может быть, общего плана, а потом уже в режиме живого разговора мы можем обсудить более конкретные сюжеты ближе к нам.

Но, прежде чем набрасывать штрихи, хочу отметить одну вещь. Александр Николаевич совершенно справедливо сказал, что есть неприятные ощущения, что усугубляются самые разные кризисы. Это даже не кризисы, это такая запутанность ситуаций, и никакого разрешения не происходит.

Давайте посмотрим на карту международных конфликтов до пандемии и сейчас, ведь казалось вначале, что пандемия — это такой рубеж, после которого всё будет иначе. Оно и будет иначе, но только это никак не сказывается на конфликтах. Все они остались, ни один не разрешился, ни один не исчез. Постепенно добавляются новые. Но опять же они добавляются не потому, что пришёл коронавирус, а потому что давно накопилась неурегулированность, которая длилась на протяжении десятилетий. И сейчас всё просто выскакивает одно за другим.

Но чтобы немножко… Я не знаю, успокоит это или наоборот. Может быть, кто-то из вас успел посмотреть в интернете вчерашнее выступление премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона на бизнес-форуме. Борис Джонсон потерял листок с речью, некоторое время шебуршал бумажками, не мог найти, а потом сказал вдруг: «А ещё я тут был на выставке "Мир свинки Пэппе". Шикарная вещь вообще! Вы ходили? Не ходили? Очень советую». Вот никакой стендап-комик, никакой «Монти Пайтон» (комик-группа из Великобритании), никакой Чарли Чаплин это не переплюнет, потому что это реальная история. И потом на сайте BBC такое экспресс-интервью с Джонсоном, где журналист его спрашивает: «Господин премьер-министр, а что вы вообще несли?» Он говорит: «А что такое? Я думал, что меня прекрасно поняла аудитория, они поняли, что я хотел сказать».

Я говорю это к тому, что мы иногда забываем, что калибр международной политики и персонажи, которые в ней оперируют, совершенно не соответствуют тому, к чему человечество привыкло за историю, в особенности за те драматические десятилетия XX — начала XXI века, которые мы в той или иной степени помним.

В этом есть плюсы, в этом есть минусы. Плюсы в том, что всё превращается в некоторую игру. Борис Джонсон не идиот. Он в каком-то смысле очень успешный и умелый политик. И если отвлечься от внешнего образа и посмотреть на результат, то он много чего достиг. Но при этом вот этот стиль, вот эта его подача — это то, что сейчас работает. Поэтому дальше это уже не столько к политологам, сколько к другим специалистам. Сергей Ениколопов [психолог, Научный центр психического здоровья], которого я здесь вижу, наверное, гораздо лучше современную политику опишет, чем я. Но как бы то ни было, надо просто иметь в виду, что многие из классических параметров изменились и их уже бессмысленно пытаться прилагать к тому, что происходит. Опять-таки это отчасти успокаивает и отчасти тревожит.

Теперь по поводу той ситуации, о которой вначале говорил Александр Николаевич. Вторая половина XX века была уникальным периодом в истории международных отношений. Уникальным — по причине высочайшей степени их упорядоченности. У нас в истории ни до этого времени, ни, скорее всего, после не было и, наверное, не будет системы, которая настолько регулировалась бы правилами. Понятно, что это не абсолютное регулирование, его просто не бывает. Но насколько возможно управлять международной анархией, которая, вообще говоря, является нормой для международных отношений со времён античности, вот настолько это делалось.

На чём это было основано? На целом ряде совпадений уникальных факторов. Это реальная биполярность, равновесие сил, когда просто два примерно равновесных шара какой-то период, понятно, что это не могло быть вечно, но какой-то период они уравновешивали друг друга, балансировали. Плюс появилось ядерное оружие, которое значительно сузило коридор возможностей для политических деятелей и сверхдержав. Плюс идеологический фактор, который цементировал всё это и приводил к малоприятному, но очень понятному противостоянию. Понятному по принципам. Опять же мы, свидетели и очевидцы этого, можем сказать, что принципы были одни, а действия — другими. Но тем не менее на каком-то этапе принципы и действия соответствовали друг другу. А потом была довольно значительная инерция. И самое главное с точки зрения структуры международных отношений — это была система, основанная на международных институтах.

В этом была суть Ялтинско-Потсдамской международной системы, что в её основе был, да, баланс сил, да, результаты войны. Но прежде всего они были выражены в создании Организации Объединённых Наций. А дальше от неё плясали уже в направлении разного рода международных институтов, договоров, которые работали и обеспечивали мир и продолжают ещё обеспечивать мир. Имеется в виду большой мир без большой войны на протяжении трёх четвертей века. Сейчас это размывается и именно институциональная опора, можно сказать, практически почти исчезла. Она исчезает очень быстро, что, в общем, уже даже почти никем не отрицается. До какого-то момента все делали вид, что это не так, сейчас, в общем-то, перестали.

В этом смысле пандемия сыграла очень существенную роль. В рамках институтов те противоречия, опять же с которых начал Александр Николаевич, то есть противоречия исторические, противоречия глубинные, что ли, культурные во многом, — они не то чтобы исчезли, но они были замкнуты в этой институциональной рамке. И противостояние НАТО и Варшавского договора, можно сказать, было продолжением разделов Польши или прочих видов конкурентной политики в Европе в XVIII–XIX веках. Но всё-таки это было не то, это было основано на совершенно других структурных принципах и тоже обеспечивало высокую степень стабильности. Раздел Европы при всей его отвратительности и конкретных проявлениях типа Берлинской стены и многих других обеспечивал чёткое понимание сторонами, куда соваться, куда не соваться. И конечно, он практически сводил на нет тот фактор, который сейчас является, наверное, основным, — участие внешних сил во внутренних процессах других государств.

Надо сказать, что, когда это участие впервые было постулировано, упомянуто, — а именно Хельсинкский заключительный акт [Хельсинкские соглашения или Хельсинкская декларация — документ, подписанный главами 35 государств 30 июля —1 августа 1975 г.],

который содержал всем известную «третью корзину» и ввёл вот эту гуманитарную составляющую в международный обиход, обиход международной безопасности, — вот это и было началом конца прежней системы.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки. 1975 г.

1973-1975 гг. - Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки.
1 августа 1975 г. - Заключительный акт СБСЕ (35 государств), ставший своего рода «основным законом» Европы.
Принципы:
1. Суверенное равенство всех стран Европы независимо от размеров, экономической и военной мощи;
2. Отказ от применения силы или угрозы силой;
3. Нерушимость границ и территориальная целостность государств;
4. Мирное урегулирование споров;
5. Невмешательство во внутренние дела друг друга;
6. Соблюдение прав и свобод человека;
7. Равноправие народов;
8. Взаимовыгодное сотрудничество;
9. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Это парадокс, но тем не менее Хельсинский заключительный акт фиксировал границы и, казалось бы, цементировал этот раздел, чего, собственно, добивался Советский Союз. Но одновременно он запустил вот эту новую тему, которая впоследствии оказалась наиболее важной и сыграла существенную роль. Я не хочу тем самым никоим образом сказать, что Советский Союз разрушили проникшие враги. Но то, что это действительно изменило весь контекст международной политики и довольно быстро его расшатало в прежнем виде, — это, на мой взгляд, вполне очевидно.

Что мы имеем сегодня? Сегодня мы имеем ситуацию, когда после холодной войны из институтов, унаследованных от второй половины XX века, сохранилась только «западная» часть. А институты, которые обеспечивали существование тогдашнего Восточного блока, Советского блока, перестали действовать. И идея нового мирового порядка или, как сейчас принято говорить, либерального мирового порядка, под патронатом Соединённых Штатов и их союзников, заключалась в том, что вот эти самые институты как победители холодной войны (с этим, как мы помним, длительное время вообще никто не спорил) имеют основание распространиться на весь мир. Почему этого не получилось — отдельная долгая история, которая многократно обсуждалась, но этого не получилось. Сейчас это уже не отрицается и теми, кто этими институтами ведал и продолжает ведать.

Но хуже другое, можно вспомнить себя самих 30–35 лет назад: мы искренне приветствовали это. Считалось, что советская система обанкротилась и рухнула. А другая система победила, потому что она правильная. И эта философия «конца истории»,

которую сейчас не пинает только ленивый, она же не только американцами разделялась. Она фактически разделялась всем миром. Не всеми с радостью, но по существу с этим соглашались — что плетью обуха не перешибёшь.

То же самое касалось и глобализации. Считалось, что глобализация как таковая необратима и даже неизменима. То есть некорректируема, поскольку это объективный процесс. Но в результате очень бурных и интересных событий конца XX — начала XXI века мы получили ситуацию, когда эти самые победившие институты получили очень серьёзные пробоины сами по себе. Не в попытках распространиться на незападную часть мира — этого не получилось, что довольно быстро поняли, в том числе и на Западе. В конце концов, если смотреть на начало этого столетия, то такой последний яростный натиск закончился где-то к концу первого срока президента Буша-младшего, когда идея продвижения демократии очень много чего в мире сотворила. Но уже к концу первого срока Буша стало понятно, что что-то не получается. И начался постепенный отказ от этой экспансионистской политики, что было уже артикулировано и при Трампе, и при Байдене тоже.

При Байдене, на самом деле, ничего не изменилось. Этот экспансионистский подход сам себя загнал в угол и закончился. Но дальше начался процесс гораздо более сложный, когда эти институты стали испытывать проблемы внутри себя. И то, что мы наблюдаем сейчас и в Европейском союзе, и в Соединённых Штатах, и внутри Североатлантического блока, и внутри Всемирной торговой организации, в массе других международных институтов, которые так или иначе ассоциируются с западной философией развития, — все они испытывают разного рода кризисы. Понятно, что в ВТО — это один тип, в НАТО — это другой тип, в Европейском союзе — третий. Но вполне очевидно, что все они нуждаются в существенных коррективах.

Ещё недавно, буквально пару лет назад, это отказывались признавать. Где-то 10–11 лет назад я выступал в Берлине. Тогда как раз Путин ушёл «в тень», пришёл «из тени» Медведев, и все, естественно, расспрашивали про Россию: что это и что будет — непонятно, Россия, как всегда, непредсказуема. Когда я сказал, что да, сильной стороной России не является прозрачность и предсказуемость, чего тут спорить. Но, в общем, она сейчас не очень сильно отличается от других, потому что мы не очень понимаем, что будет в России, но мы также не понимаем, что будет в Европейском союзе через 5–10 лет. В ответ раздался смех. Громкий смех! Я настолько запомнил этот момент — мне сказали: «Вы что, с ума сошли?! Что вы сравниваете?!» Я говорю: «А что будет у вас через 10 лет?» «То же самое, только лучше!» — сказали мне замечательные немецкие собеседники.

Да, это было в 2009 году. Ровно тогда, когда вступил в силу Лиссабонский договор[1]. И вот с этого момента всё посыпалось. Начался сначала один кризис, потом другой. Сейчас, конечно, никто этого из них уже не помнит, но я-то помню. И, конечно, 2016 год с брекзитом и Трампом, — он стал таким нокаутирующим ударом по

[1] Лиссабонский договор, официальное название: «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» — международный договор, подписанный на саммите ЕС 13 декабря 2007 г. Цель Лиссабонского договора — повышение эффективности Евросоюза, укрепление его демократической легитимности и унификация деятельности ЕС. Вступил в силу в декабре 2009 г. (после ратификации 27 странами-членами ЕС).

интеллектуальному Западу. Была попытка, как мы знаем, всё это свалить на русское влияние. Но сейчас даже они понимают, что не получится, не в этом дело. Даже если влияние и было, то дело не в нём.

Что мы в результате сейчас имеем? Сейчас на этом фоне ослабление институтов, например, в Европе проявляется в том, что, скажем, Польша и Венгрия принимают законы, которые с точки зрения Европейского суда нарушают основополагающие права человека, принятые в ЕС. И им говорят, ах так, тогда, пока вы не отмените эти законы, мы вас «поставим на счётчик», и каждый день будут капать сколько-то там пени, 250 миллионов.

Я думаю, что ещё лет семь назад это бы сработало и тут же было бы решено. Та же партия «Право и справедливость», которая весьма скептична в отношении Европы, она как-нибудь там вывернулась, пошла бы на псевдокомпромисс. Короче говоря, как-нибудь разрулили бы. Сейчас этого не происходит, потому что поляки говорят: «Да пошли вы, это наши ценности».

Польша — достаточно экстравагантный пример. Вся её история показывает, что поляки иногда способны на не очень рациональное поведение. Тем не менее это яркая иллюстрация того, что в Европейском союзе больше нет той стройности, которая когда-то была. А была она тогда, когда было единство целей, единство понимания, что происходит вокруг, и когда все извлекали выгоду. Как только это всё стало ослабевать, оказалось, что вот эта без иронии великая, без преувеличения великая конструкция европейской интеграции, которая привела Европу к фантастическому миру и процветанию к началу XXI века, она просто больше не работает в этих условиях.

На этом фоне — здесь мы подходим к нашей любимой теме отношений Россия – Европа — опять вылезают наши исторические враги, о чём сказал вначале Александр Николаевич. Да, это, видимо, наша карма, и их карма тоже: на каждом очередном резком историческом повороте история и культура проявляются и напоминают о себе. При этом я бы не стал это абсолютизировать. Это один из факторов, но не главный и не единственный.

То, что делает сейчас, допустим, Эрдоган, я думаю, в малой степени обусловлено и диктуется его противостоянием именно с Россией. Он имеет в голове картину Турции, которая является мировой державой. Поскольку Эрдоган — человек действительно глубоко верующий, он считает, что такова миссия, которой его наделил Аллах. Отсюда фантастическая напористость, самоуверенность и на самом деле игра на грани фола. Игра, которая, на мой взгляд, уже давно оторвалась от реальных материальных возможностей Турции. Сейчас, буквально вчера, все пишут о катастрофическом обвале лиры. Я думаю, что это обвал не фатальный, то есть как-то стабилизируют. Но то, что Турция играет на две головы выше своих возможностей, с этим, в общем-то, никто не спорит. Это на кураже и амбициях конкретного человека, которые пока поддерживаются обществом. Будут ли они поддерживаться всегда — это, конечно, вопрос.

Польшей движет что-то похожее, но с той разницей, что даже «Право и справедливость» не говорит о том, что надо выйти из Евросоюза. Слишком уж выгодное с материальной точки зрения пребывание там, и Польша — один из главных бенефициаров. Но вот это самоутверждение в качестве силы, которая в новом мире, безинституциональном, будет решать и будет влиять на решения, — это движет амбициозными лидерами. Ощущение того, что прежняя система заканчивается или закончилась. И тот, кто «наш пострел везде поспел», если ты проявишь достаточную сноровку, силу и хитрость, то можно скакнуть выше, чем тебе положено. Турция уже скакнула явно выше, но Польша, видимо, тоже хочет.

Всё это происходит, если говорить уже о наших вопросах, на фоне очень интересного процесса, который аналитически легко понимаем, но в практическом смысле достаточно рискован. Тридцать лет после даже не распада Советского Союза, а объединения Германии система европейской безопасности строилась на принципе, который был зафиксирован Парижской хартией для новой Европы[1]. Принцип этот звучал и звучит очень красиво и справедливо — что каждая сторона имеет право сама решать, каким образом обеспечивать свою безопасность. Казалось бы, кто б с этим спорил? На практике это выразилось в том, что речь шла о присоединении к военным альянсам, то есть у всех должен быть любой выбор. Но к моменту, когда подписывалась Парижская хартия, фактически выбора уже не было. Варшавский договор ещё формально существовал, но де-факто доживал последний месяц. Способом обеспечения безопасности оставалась только НАТО. И дальше последовало решение, на которое согласился Советский Союз, как мы знаем из многочисленной мемуарной литературы сегодня, к большому изумлению американцев и самих немцев, — решение о том, что объединённая Германия будет членом НАТО, останется в НАТО. Это и стало выражением этой максимы в её изначальном проявлении. Германия как суверенное объединённое государство решила таким образом обеспечить свою безопасность и все с этим согласились.

---

[1] Парижская хартия для новой Европы, или Парижская хартия, принята в ноябре 1990 г. на Совещании глав 34 государств и правительств по безопасности и сотрудничеству в Европе (32 европейских государства, США и Канада). На Совещании была достигнута договорённость о масштабном сокращении вооружённых сил ОВД и НАТО. В Хартии подтверждалась верность участников Совещания 10 принципам Заключительного акта, принятого в Хельсинки в 1975 году.

Все последующие десятилетия этот принцип использовался как обоснование для того, что НАТО как военно-политический альянс может расширяться без ограничений: «А что мы можем сделать? Они все хотят, имеют право, видите, вот записано». И на протяжении довольно длительного времени, как минимум половины того срока, который мы прожили в новых условиях, Россия счастлива не была. Россия возражала, Россия возмущалась, но, в общем, признавала, что ничего она сделать не может.

Начиная с момента, когда при Борисе Николаевиче Ельцине мы согласились на вступление первых стран Восточной Европы в НАТО — Польши, Венгрии, Чехии (далее был подписан и основополагающий акт, по инициативе Евгения Максимовича Примакова, который стремился минимизировать урон от этого согласия), и, как мы видим, до сих пор НАТО продолжает расширяться (последняя из вступивших стран — Северная Македония). До сих пор это оставалось основой для позиции западных стран по безопасности в Европе.

Что изменилось? Изменилась позиция России. До какого-то момента Россия возмущалась, но соглашалась. В какой-то момент Россия начала жёстко возражать. Первый пример этого — российско-грузинская война, которая, конечно же, была вызвана прежде всего не судьбой Южной Осетии, при всём уважении к нашим братьям-югоосетинам, а тем, что российское руководство решило силовым образом продемонстрировать наличие красных линий.

Напомню, что войне двумя или тремя месяцами ранее предшествовал Бухарестский саммит НАТО, на котором Путин (это, по-моему, последний саммит, куда приехал Путин перед переизбранием) за совместным ужином или обедом доходчиво, чуть ли не рисуя на салфетке, объяснял Бушу, что Украина — это *такое* государство, что её лучше не трогать. Что если вы тронете Украину, то и мы тронем Украину и ничего от неё не останется, потому что смотрите, из каких территорий она собиралась.

Тогда европейские страны — Германия и Франция — дали бой американцам, потребовав не предоставлять Грузии и Украине, как планировали Соединённые Штаты, так называемый план действий по членству (ПДЧ НАТО), то есть график вступления этих стран в НАТО. Меркель и в ту пору Саркози просто костьми легли, чтобы этого не допустить. Но костьми они легли своеобразно, потому что в результате получился компромисс, на самом деле худший из всех возможных. Потому что планы действий по членству им не дали, а план действий по членству формально — понятно, что это первый шаг к вступлению, но формально это всё-таки набор критериев и условий, которым надо соответствовать.

Планы действий по членству им не дали, к величайшему разочарованию Киева и Тбилиси. А вместо этого в финальном коммюнике было записано чёрным по белому двадцать каким-то пунктом, что мы решили, что Грузия и Украина будут членами НАТО. То есть не в какой-то конкретный момент, но будут. Рано или поздно они будут членами НАТО. И тогда это подавалось как грандиозная победа сил доброй воли, потому что немцы говорили: вот видите, мы же отбили ПДЧ, а это пустые слова. Слова словами, но это было написано в официальном документе НАТО. И с тех пор никто это не отменял, естественно.

Так вот, с этого момента началось противодействие России вот этой логике автоматического и бесконтрольного расширения, достигшего пика. И в 2014 году весь этот кошмар, который развернулся на Украине, — и Майдан, и Крым, и Донбасс, и всё остальное, — стало заявкой России на то, что та модель, которая была принята в 1990 году и на которую мы вроде бы тогда даже согласились, больше не работает. И дальше мы оказались в такой интересной серой зоне, в которой мы пребываем до сих пор, только она всё больше сгущается.

Что происходит сейчас? Сейчас американцы и европейцы говорят о том, что русские уже сосредоточили некий «бронированный кулак» и нанесут страшный удар по Украине. И этого нельзя допустить. Мы говорим, нет, ничего подобного. Хотя иногда подмигиваем левым глазом, говоря, что мы, конечно, не сосредоточили, но если вы настаиваете, мы можем. На мой взгляд, я не знаю, что там происходит на самом деле, вполне допускаю, что там и сосредоточивается что-нибудь. А может быть, и не совсем так, как они говорят, потому что тут все ведут свои какие-то странные игры, как говорил персонаж популярного десять лет назад сериала «Доктор Хаус»: «Врут все». Вот это тот самый случай.

Но суть процесса понятна. И Путин сказал об этом предельно ясно неделю назад, выступая на расширенной коллегии МИДа. Он сказал, что, во-первых, западные партнёры как-то очень легкомысленно относятся к красным линиям, которые мы обозначаем, неправильно. Во-вторых, надо поддерживать напряжение на этом направлении, потому что тогда они, может быть, будут более внимательно относиться к красным линиям. И надо это продолжать делать. Это очень новое заявление, потому что из уст российского руководства так открыто не звучало, что мы за напряжение. И третье — он поручил МИДу, от чего у них тут же закипели мозги и кипят до сих пор, начать подготовку разработки долгосрочных гарантий безопасности с европейским партнёром. Что имелось в виду, я не знаю, надеюсь, что не очередной бессмысленный договор, как мы пытались уже пару раз. Но тем не менее задача такая поставлена.

Что это означает на концептуальном уровне? Это означает, в общем, декларацию того, что модель 90-го года отменяется, больше она не работает. И если НАТО не отказывается от идеи права на автоматическое расширение, значит, будет ответ. И дальше начинается, естественно, «игра в моргалки», кто блефует больше. Потому что, с одной стороны, понятно, что Россия воевать не хочет, не собирается и, при всей боевитости наших некоторых руководителей, они прекрасно понимают возможные последствия. Не военные, а все прочие. А с другой стороны, ведь НАТО, когда осуществляла это ничем не ограниченное расширение, — мы всегда считали, что это проблема для нас и всё время об этом на всех углах верещали, — сама себя загнала в ловушку. Потому что эти решения — сейчас очень много написано, замечательные книги вышли в Америке о том, как принималось решение о расширении НАТО, — совершенно очевидно, что эти решения носили чисто политический характер.

Никто всерьёз не ожидал, что пятая статья Договора о коллективной безопасности может быть востребована для защиты, например, Латвии. То есть что американские войска поедут воевать с Россией за Латвию. Это не представлялось сколь-нибудь возможным, потому что, как это? с какой радости? Россия как-нибудь сама войдёт куда-нибудь, а если даже не войдёт, ну, Россия пока очухается. Поскольку решения принимались в момент, когда состояние, в том числе военное, России было, скажем так, на самом низком уровне. Короче говоря, исходили из того, что эти обещания никогда не придётся оправдывать.

Опять же я могу сослаться на свой пример, это был 2006 год, наверное. Я выступал в Женеве на очень такой хорошей встрече, на которой были американцы. И я просто напрямую спросил: «А вы готовы воевать за Литву?» Поскольку они не ожидали этого вопроса, мой визави, по-моему майор или какой-то военный, переспросил меня: «В каком смысле?» Я говорю: «В прямом смысле. Вы даёте гарантии? Вы готовы их выполнять?» И он, опять же будучи захвачен врасплох, инстинктивно сказал: «Ну нет, конечно». Я говорю: «Тогда извините, видимо, как бы разговор…» Дальше началось, что «нет, нет, вы мне…». Но это действительно была чисто политическая вещь, обусловленная очень многими, в том числе внутриамериканскими политическими раскладами, необходимостью Биллу Клинтону получить голоса тех или иных штатов и так далее.

Короче, сейчас пришёл момент, когда эти обязательства могут быть востребованы буквально. И вот здесь начинается та самая игра «кто первый моргнёт». Потому что, конечно же, это была дивная тоже сцена во время избирательной кампании Дональда Трампа в 2016 году, когда тогдашний его соратник и единомышленник Ньют Гингрич — бывший спикер Палаты представителей, такой хардкор (жёсткий), такой убеждённый консерватор-республиканец, — выступал на радио-шоу и агитировал за Трампа. Его спросили среди прочего: а вот, говорят, что Трамп не верит в гарантии НАТО, что, если будет президентом, он гарантии НАТО отменит. На что Гингрич сказал: «Скажите, вы вправду думаете, что мы будем рисковать третьей мировой войной, ядерной, ради пригорода Санкт-Петербурга?» Имея в виду Эстонию.

Это вызвало дикий скандал, но он сказал правду. Он сказал то, как, наверное, думают очень многие в американском истеблишменте. Кстати, Трамп то же самое говорил, уже будучи президентом, когда встал вопрос о членстве в НАТО Черногории:

«Зачем мы принимаем Черногорию? Я знаю черногорцев, мне жена рассказывала, они очень агрессивные такие люди, злобные; они куда-нибудь ввяжутся, а мы их потом защищай!»

Всё это в стиле Трампа, конечно, но это поднимает тот вопрос, который сейчас уже стоит в совершенно нешутейном виде. Потому что страны, принятые в конце 90-х — начале 2000-х, требуют подтвердить им ещё и ещё раз вот эти гарантии. Более того, уже даже дело не в их требовании, а если и Соединённые Штаты демонстрируют, что они не готовы выполнять эти обязательства, — на этом заканчивается, наверное, НАТО, на этом заканчивается мировое доминирование Соединённых Штатов, потому что тогда система американских союзов теряет смысл. И это относится даже не столько к Европе, сколько к Азии, потому что там своя игра, которая сейчас намного важнее для американской политической верхушки.

Завершая своё длинное вступление к разговору о нас, — мы, как мне представляется, пребываем в довольно сложном положении, когда Россия по целому ряду обстоятельств, понятных нам всем, живущим здесь, вступила в состояние имманентного транзита. И дело не только в том, что заканчивается через 2,5 года очередной срок президента и дальше не очень понятно, будет следующий или не будет. Это уже следствие. А важнее, что вся та повестка дня, с которой Россия работала 25, а то и 30 лет после распада Советского Союза, она, в общем, исчерпана.

Эту повестку в международной части, если совсем грубо (я понимаю, что там есть масса других аспектов по международной части), я бы обрисовал как желание нивелировать последствия катастрофы для российских позиций в мире, которые означали крах Советского Союза, то есть вернуть Россию. Собственно, Путин в своей первой программной статье, опубликованной в момент его прихода в качестве и.о. президента, написал чётко и ясно, что есть риск скатывания во второй, а то и третий эшелон мировой политики. Наша задача — этого не допустить. Собственно, 25 лет или там 20 лет он занимался тем, чтобы этого не допускать, и не допустил.

Можно как угодно относиться к нашим действиям, но то, что Россия сегодня рассматривается как один из абсолютно ключевых игроков, а начальник объединённого комитета, начальник штабов США, публично говорит о трёхполярном мире — в военном смысле, но тем не менее, конечно, это существенное достижение.

Это достигнуто, а вот дальше возникает масса вопросов, потому что как ориентироваться и как действовать в этом самом мире, с чего мы начали, в котором нет институтов, значит, нет особых правил, в котором полагаться, в общем, нужно только на себя или на очень краткосрочные текущие договорённости, — вот этого не знает никто. Это проблема не только России, это проблема всех. В этом смысле, возможно, у нас есть одно небольшое преимущество: мы к этому привыкаем уже. Испытав десятилетия катаклизмов и лихорадки, мы более устойчивы, чем те же Соединённые Штаты, которые только сейчас начинают ощущать вот эту неуверенность. Это очень на них сказывается, они просто не привыкли к этому.

В этом смысле мы в чуть лучшем положении. Но это не самое сильное утешение. Я думаю, что, во-первых, мы вступаем в крайне интересный, но нервный период. Во-вторых, тенденции, которые мы видим в мире, скорее, показывают, что вся экспансионистская политика становится исключением. То есть Эрдоган — не правило, Эрдоган сейчас исключение, причём исключение вопиющее совершенно. А так, все

оборачиваются внутрь. И прежде всего это делают Соединённые Штаты. То, что говорит президент Байден, выдвигая лозунг «Внешняя политика для среднего класса», ну как бы в интересах простого американца, — это на самом деле то же самое, что Трамп называл «America First». Только сформулировано более элегантно.

Это совершенно естественно, потому что, как я сказал, поворот от экспансии к сворачиванию произошёл лет 15 назад. Обама уже это делал, не провозглашая. Трамп это начал говорить открыто. Байден это продолжает. И поскольку Соединённые Штаты продолжают всё-таки играть ведущую роль на мировой арене и будут продолжать это делать довольно долго, они задают тон.

Я думаю, что мы все, включая Россию, тоже вступаем в фазу «окукливания». Если мы посмотрим, например, на опубликованную летом Стратегию национальной безопасности, — она кардинально отличается от того, что публиковалось раньше (выходит каждые 5 лет). Это в основном про внутрь. Это в основном про то, как удерживать стабильность, как огораживаться, охранительный пафос. Хорошо это или плохо — это отдельный предмет для разговора, но это полностью в мировых тенденциях. И мы, при всей нашей любви декларировать особый путь, никоим образом не отличаемся от остальных. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Фёдор Александрович! Было чрезвычайно интересно. Я думаю, что сейчас мы позадаём вам несколько вопросов и на понимание, и на расширение того, что вы нам сказали. У кого есть вопрос? Прошу, господин Миркин.

Я.М. Миркин, *заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор*

Во-первых, огромное спасибо за точку зрения. И вопрос. С моей позиции как экономиста, нарастание серой зоны — это зеркальное отражение ослабления России, в первую очередь ослабления экономики России. Я хорошо понимаю, что этот тренд ослабления экономики России плюс отрицательная демография и так далее будет продолжаться, если что-то не переменится. Вы согласны с этим? Согласны вы с этой точкой зрения: нарастание хаоса по мере будущего ослабления экономики России и в целом стран?

Ф.А. Лукьянов

Вы имеете в виду, Яков Моисеевич, хаос у нас? Или хаос вообще?

Я.М. Миркин

Хаос вокруг. Усиление давления на Россию можно же рассматривать очень просто. Вот есть что-то ослабляющееся, и оно начинает сразу разрываться на куски теми, кто смелее, кто поспел и так далее. Это тренд, это длинный тренд.

Ф.А. Лукьянов

Я думаю, что это абсолютно верная констатация одной из реальных угроз. То, что с нашей экономикой происходит, я вообще в этом ничего не понимаю, но даже как обычного обывателя меня многое удивляет. Здесь явно происходит что-то, что

происходить не должно. Насколько эта философия — философия выживания любой ценой, явно у нас возобладавшая, как бы сидеть на некотором не очень большом ресурсе, что всё-таки на случай тяжёлых времён, — насколько она соответствует реальным вызовам, я не знаю.

В некотором смысле — да, потому что если считать небезосновательно, что мир вообще не предсказуем, то и непонятно, к чему готовиться, конечно, надо иметь резерв. А с другой стороны, такого рода подход, как мы видим, на глазах провоцирует чрезвычайное оживление людей в разного рода погонах, которые действуют, наверное, из лучших побуждений, но их лучшие побуждения совершенно не учитывают того, что общество должно как-то развиваться. Мне кажется, вот это самая главная проблема у нас.

Что касается хаоса извне, тут вопрос, насколько внешние силы сейчас способны это делать. Потому что та схема, которую вы привели, она свойственна периодам, когда, допустим, одна империя слабеет, а вокруг неё — растущий конкурент. Сейчас, на мой взгляд, единственно растущий — это Китай. Да и то Китай буквально на глазах за последний год-полтора начинает сталкиваться с противостоянием и противодействием, которого он не ожидал. Они привыкли действовать в ситуации максимального благоприятствования и делать вид, что всё в порядке, и всех успокаивать. А тут начали, что называется, бить по морде. Китай не вполне к этому готов. И начинает суетиться, кстати, что интересно. Мы думали, что они никогда не суетятся, а иногда вот случается.

Что касается других центров силы и влияния, я не вижу, кто бы сейчас мог это делать, потому что, при всём уважении к товарищу Эрдогану и Турции, я вот уверен, что он Турцию доконает. Он со своим авантюризмом, который… Его часто сравнивают с Путиным, но это совершенно разные типажи. Вот Путин не авантюрист никак. Можно по-разному это оценивать, но он довольно расчётлив. Эрдоган — безусловный авантюрист. Это иногда приносит дивиденды. И принесло уже. Но верёвочке виться не всё время.

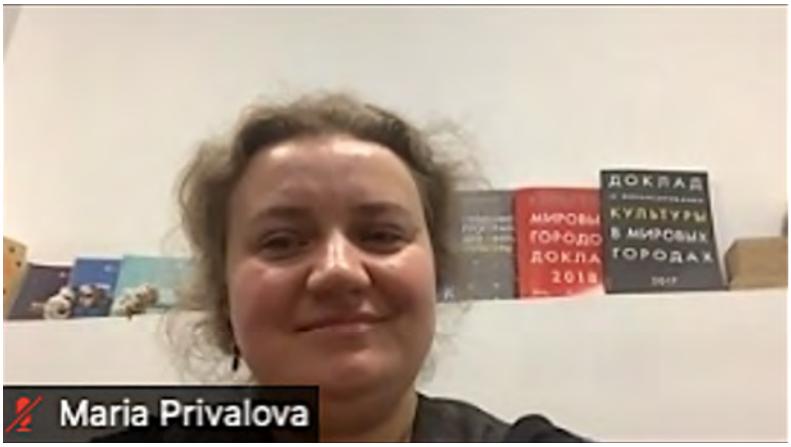
В общем, я думаю, что то, о чём вы говорите, имеет перспективы сбыться не сейчас. Пока нет. А вот если всё это продолжится, в том числе наш непонятно куда транзит ещё лет так шесть, — тогда не знаю, честно говоря.

А.Н. Привалов

Спасибо. Мария Александровна, прошу вас.

М.А. Привалова, *директор Центральной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова*

Добрый вечер! Мне кажется, мой вопрос в какой-то степени похож на то, что обсуждалось. Вот вы рассказывали и о свинке Пеппе, и о том, что политика превращается в игру. И тут надо сказать, что профанам, вроде меня, которые просто по верхам читают новости и заголовки, уже многие месяцы, если не годы, очень часто кажется, что третья мировая сейчас и происходит. Потому что то, что люди произносят вслух, произносить вслух нельзя. Но они это делают. И многие из них как-то при этом официально называются. Это производит ощущение всё время абсолютного ошаления или безумия, оно сильное, и оно как бы… Нельзя сказать, что ощущение усиливается, оно просто сильное, и уже давно.



М.А. Привалова

И мне вот интересно. Если, например, говорить о наших сегодняшних «героях» — о Польше и Турции, у вас есть какой-нибудь критерий при чтении новостей, к чему относиться всерьёз? Потому что, как соотноситься с этим информационным полем, безумными заявлениями наших польских братьев и наших турецких партнёров? К каким из них вообще относиться всерьёз? И чего бояться? Мне было бы интересно, есть ли у вас какой-нибудь такой критерий. Он бы пригодился мне очень сильно.

Ф.А. Лукьянов

Боюсь, критерия я вам не дам. Во-первых, справедливости ради, не надо себя недооценивать по части безумных заявлений, мы тоже умеем. Другое дело, что у нас они не делаются на высшем уровне, это точно.

М.А. Привалова

Да! Я в этом и вижу разницу.

Ф.А. Лукьянов

В этом есть разница. Если послушать наших достойнейших народных избранников или комментаторов, то иной раз просто волосы дыбом.

Вы знаете, в том, что вы сказали, в некотором смысле есть позитив, потому что, совершенно верно, высказывания, которые сейчас звучат… Тот же самый Борис Джонсон. В бытность свою министром иностранных дел, выступая в парламенте через два дня после этой всей эпопеи со Скрипалями, на весь мир объявил, что у него есть точные сведения о том, что убийство Скрипалей заказал лично Владимир Путин. Я думаю, что в классические времена это практически казус белли или близкое к этому.

Я, кстати, тогда интересовался у коллег в МИДе: «Товарищи, ну белли-то не надо, а посла не следовало бы отозвать для консультации?» На что мне было сказано: «Ой, да ладно! Ну что внимание обращать, у него язык без костей». Наверное, это хорошо.

Нам, привыкшим к классической дипломатии, — это жутковато. Но, с другой стороны, может, оно и хорошо, потому что действительно в современном коммуникационном мире нет никаких границ.

Лет 10 назад я написал колонку, не помню, кажется в Forbes, которая называлась «Дипломатия на завалинке». Это когда только появилась вся эта сетевая активность, все эти твиттеры и так далее. И та тональность, с которой люди сидели на завалинке или на лавочках у подъезда и точили лясы, лузгая семечки, — вот она перешла в большую реальность. И чего? И перешла, и дальше продолжается.

То, что меня сильно удручает в нашей дипломатии, это, в частности, чудовищная закомплексованность, вы уж извините. Когда на уровне официального представителя МИДа, а то и выше, начинается: «А вот в газете «La Stampa» появилась редакционная статья, да мы вам…» Ну что это такое вообще?! Это просто… Я уж не говорю про… Ладно, «La Stampa», а ещё какая-нибудь эстонская газета или чего-нибудь подобное. Вот это странно. Это очень удивительно. И показывает то ли творчески недореализованный потенциал, то ли какой-то комплекс непонятный.

А что касается критериев, я думаю, что мы сейчас пришли к ситуации, когда чем больше слов, тем меньше опасности. Поэтому то, что сейчас все орут по поводу того, что Россия вот-вот вторгнется на Украину, а мы говорим, да мы не вторгнемся. Но при этом… Как говорил Дракон в пьесе Шварца: «Война начинается внезапно». Я думаю, что вот это осталось, это сохранилось от старого. Поэтому бойтесь не тех, кто говорит, а тех, кто делает.

А.Н. Привалов

Насчёт того, что кусачая собака не лает, — довольно старая мудрость.

Ф.А. Лукьянов

Вот-вот!

А.Н. Привалов

Рустам, вы хотели вопрос задать? Прошу вас.

Р.Э. Рахматуллин, *эссеист, москвовед*

Спасибо. Уважаемый Фёдор Александрович, могли бы вы прокомментировать ваш тезис, или это была цитата: «Распространение Запада на незападную часть мира провалилось»? Ниже вы привели примеры Черногории, Македонии, последними вошедших в НАТО. Можно вспомнить Румынию, Болгарию. А ещё в советский период — Грецию. Ведь с точки зрения принадлежности к восточному христианству — это восток Европы. Считаете ли вы, что наступление на эту часть мира с западной стороны действительно провалилось? Или вы отмечаете неустойчивость помещения Греции, Болгарии, Румынии, Черногории, Македонии в западный имперский контур? Или всё-таки это наступление продолжается, учитывая деятельность Варфоломея, атаку на восточные Церкви, загадочные события в Карабахе и так далее? Каковы параметры «провала» Запада в движении на Восток?

Ф.А. Лукьянов

Вы знаете, я имел в виду немножко другое. Я имел в виду гораздо более масштабную амбицию, которая заключалась в том, что не Восточная Европа станет частью западных институтов, а, например, не знаю, Китай по мере роста рыночной экономики. Вы помните, наверное, была такая популярная либеральная теория, что чем больше там средний класс, тем рано или поздно возникает запрос на политические права, — и всё понеслось, то есть ничего там КПК не сделает. То же самое относилось и к России. К России, я думаю, это имеет несколько большее отношение в культурном смысле, но к Китаю явно нет.

Да и вообще западные институты, западоцентричные институты, как Международный валютный фонд или та же самая Всемирная торговая организация, они изначально имели намерения всё-таки стать нормообразующей рамкой для всего мира. И, в общем, преуспели в этом до какого-то момента, пока это не стало мешать самим западным странам.

Кто начал вставлять палки в колёса глобализации? Не Китай, не Иран и даже не Россия, что бы ни думала. Значительная часть населения Соединённых Штатов повелась за Трампом и сказала: «На хрена нам всё это надо!» С этого, вернее, началось не с этого, но это всё правильно. И вот это привело к тому, что Запад наткнулся на некую стену — дальше не продвинешься.

Что касается той части Европы, о которой вы говорите, я думаю, что здесь как раз совершенно справедливы ремарки Александра Николаевича: там всегда будет вот так. То есть они относятся к европейской культуре, цивилизации? Да, относятся. Они там устойчиво находятся? Да нет, неустойчиво. Они сами себе враги № 1? Да, всегда. За них какая-то борьба идёт? Идёт, хотя она может быть более-менее активной. Вот сейчас, например, они всё время считают, что Россия бьётся то ли за Сербию, то ли за Боснию. Я полагаю, что в России только какие-то очень отдельные любители-гурманы это делают, а на самом деле там сейчас Турция, конечно, сильно проявляет активность, но пока есть возможность.

А так одна из основополагающих иллюзий, которую мы унаследовали от холодной войны и попытались продлить на период после неё, что оказалось очень коварным, — это то, что границы можно зафиксировать. То есть вот этот самый принцип Хельсинкского акта, который был, да, замечательный документ, но он был основан на совершенно конкретном балансе сил. Когда этот баланс перестал существовать, естественно, всё начало меняться. А мы до сих пор эти мантры про ОБСЕ, что невозможно силовое изменение границ... Мы все с вами прекрасно знаем, даже не будем брать весь мир, давайте посмотрим на историю Европы. Не было ни одного столетия, когда границы Европы не перекраивались бы кардинально! Не то что как-то слегка — кардинально! Почему вдруг XXI век стал бы исключением — непонятно.

Поэтому, конечно, когда говорят о нерушимости границ, — с точки зрения текущего менеджмента это, наверное, правильно, потому что, если все начнут кромсать, ничего хорошего не будет. Но такого не будет! Конечно, границы будут рушиться, меняться и двигаться… Зона влияния, условно назовём Евроатлантическая империя, — самое главное, что с ней сейчас происходит, она начинает внутри себя задумываться: нужна ли она? Потому что, когда Соединённые Штаты просто вопиющим

образом кидают ключевого европейского союзника ради отдалённого тихоокеанского, я имею в виду AUKUS, и Францию, и Австралию, — это очень чёткая декларация приоритетов. Что бы там потом Байден Макрону ни говорил, все прекрасно понимают.

И поэтому сам факт того, что Европа перестаёт быть стратегическим центром и становится стратегической периферией, это, кстати, очень важно для нас, потому что мы этого ещё не усвоили. И мы продолжаем, как мне кажется, в значительной степени вести арьергардные бои, хотя реальные проблемы могут быть совершенно с другой стороны.

А.Н. Привалов

Спасибо. Если можно, пока я вклинюсь с вопросом — старинным вопросом, с античных ещё времён: с какого числа камней начинается куча? Насчёт красных линий — это всё-таки очень тревожно для нас для всех. Хотя вы нас утешаете, что наш театр военных действий уже периферийный и на него всем уже больше начхать, чем мы боимся. Но то, что происходит, этого не подтверждает, на мой взгляд. Вот добрые натовцы 10 или 9 аэродромов модернизируют в Прибалтике и Польше. На Украине ну не каждую неделю, но каждые две недели появляется какая-то группировка военнослужащих американских, английских, ещё каких-то. Вот с какого числа камней начнётся куча? И будет ли это куча? Есть ли такое намерение или оно на самом деле уже оставлено? Это то, что вы назвали арьергардными боями.

Ф.А. Лукьянов

Да, я рисую такими широкими мазками схему. Конечно, чем ближе ты подходишь к полотну, тем больше проступает деталей. Я полагаю, что по большому счёту это арьергардные бои, потому что нет такого суперинтереса, ради которого Соединённые Штаты начали бы реально воевать в Восточной Европе за что-то. Мне кажется, его просто нет. При этом, конечно, есть сильнейшая институциональная инерция, потому что НАТО как понятие, НАТО как структурообразующий контур всей американской политики, блистательно работавший всю вторую половину XX века, — и просто взять и сказать, знаете, ребята, а теперь у нас другие… Ну так не бывает. Либо должна быть большая война, которая всё разрушает, либо от такого не отказываются. Поэтому я бы сказал, что во многом это инерционность.

По поводу красных линий Путин, в общем, прав. Невосприимчивость к красной краске западной стороны прямо пропорциональна степени уверенности в собственной правоте, которая у них была в 1989–1991 годах. Эйфория вот этой грандиозной исторической победы была такова, что даже 30 лет спустя, когда всё изменилось, и то очень трудно смириться с тем, что, наверное, всё-таки придётся признать, что красные линии существуют. С одной стороны, они всё-таки есть, но в 2008 году покойный Рон Асмус, советник Буша, предлагал долбануть по русскому туннелю ракетами, чтобы русские войска не прошли. Буш сказал: «Вы что, с ума сошли что ли?!» Это-то есть. И вообще, когда дело доходит до военных, военные друг друга понимают гораздо лучше, чем политики. Вот они, кстати, базар фильтруют в правильных разговорах лучше. И Украина, конечно, стала очень серьёзным предупреждением.

Если совсем примитивно говорить, то всё сводится к дворовым вещам, которые не чужды нашему президенту, но в данном случае, видимо, он прав, что оппонент должен тебя считать отмороженным. Если оппонент не верит, что ты сейчас о-го-го! — тогда он может думать, что это блеф. Это как бы классика, к сожалению, мы к ней опять пришли. И я думаю, что ситуация, которая сейчас разворачивается вокруг Украины, совершенно очевидно не последняя. Мы подходим к какому-то большому кризису, связанному с Украиной. Не теперь, так через полгода, через год, не знаю.

У меня ощущение, что на уровне нашего высшего руководства есть внутреннее убеждение, что этот вопрос не решается несиловыми способами. Опять же это не значит, что это вот сейчас будет так решаться, но рано или поздно... Так вот, сейчас идёт игра мускулами и подмигивание или, наоборот, неподмигивание. Красные линии устанавливаются примерно как всегда, но только с поправкой на всю эту удивительную среду, о которой мы только что говорили.

А.Н. Привалов

Спасибо. Кто ещё хотел бы спросить? Не вижу оранжевых «ладошек». С вопросами покончили, значит. Кто хотел бы высказаться? У меня записался господин Горелик. Кто ещё хочет, будьте добры, в чат или ладошку опять, как-то давайте мне знать. Прошу вас.

А.С. Горелик, *эксперт по международным организациям, директор Информационного центра ООН в Москве в 1999–2014 гг.*

Начну с того, что скажу большое спасибо Фёдору Александровичу за отличный широкий очерк происходящего. Я, когда его слушал, решил даже озаглавить свои ремарки так: «Слово в оправдание институтов». Это отнюдь не ода, но вот именно «слово». И для разговора я позволю себе перейти на иной уровень, потому что Фёдор Александрович говорил широкими тезисами, прежде всего о геополитике. А я бы хотел немножко поговорить о глобальном управлении или локальном управлении. То, что называется governonce, то есть речь об институтах, о механизмах, о правовых основах того, что происходит. О кодексах поведения, наконец.

А.С. Горелик

Начать я хотел с того, что объединённая Европа сегодня нацелена на то, чтобы быть регионом наиболее высоких жизненных стандартов — специальных, природоохранных, правозащитных и так далее. Я не собираюсь петь европейцам особые дифирамбы (да я и не глубокий знаток Европейского союза). Но отмечу: Евросоюз в значительной степени интроверт, то есть заботится прежде всего о *качестве жизни внутри своих границ*. Однако при этом европейцы задают тон, который волей-неволей приходится учитывать всем вокруг. И брюссельская бюрократия, которую не ругает только ленивый, как хорошо налаженный принтер без устали выбрасывает регуляции, инструкции, директивы, которые во многом определяют международные правила игры.

Вот возьмём конкретно: европейская «зелёная» повестка дня, о которой сегодня очень много говорят. Она застолбила положение Евросоюза как глобального лидера в вопросах климата. Евросоюзу удалось, между прочим, снизить свою эмиссию парниковых газов на 30% против 1990 года, при том что его экономика выросла за этот период на 60%. Заявленная цель европейцев — через своё «зелёное» соглашение, Green Deal, стать углеродно нейтральными к 2050 году. То есть достичь декарбонизации энергетического сектора экономики. И это не просто декларации. Задачи ЕС вписаны в политические установки в сферах энергетики, землепользования, транспорта, налогообложения и так далее. В частности, объявлены планы введения дополнительных таможенных сборов и более широкого использования квот на выбросы парникового газа, чтобы защитить свой рынок — подчёркиваю, *свой рынок* — от продукции с высоким углеродным следом.

Конечно, это не альтруизм. Это в значительной степени своекорыстие. Но на фоне нынешней глобализации — пускай ослабленной, но всё равно реальной — их эгоистичный список приоритетов никто не может игнорировать. Таким образом, европейская «зелёная» повестка дня, строго говоря, стала уже и нашей. Она будет диктовать более требовательные условия работы промышленных предприятий не только в Старом Свете, но и у нас. Европейская система торговли квотами на выбросы, крупнейшая уже сегодня в мире, грозит стать экстерриториальной. И импортёры, похоже, должны будут покупать цифровые сертификаты на каждую тонну выбросов углекислого газа, которая эмитирована при выпуске данного товара.

То есть, говоря высоким штилем, новая природоохранная реальность уже за углом. Её предвестниками являются политические установки, исходящие из Брюсселя. Если в последние месяцы российское руководство так резко изменило подход к проблематике климата и «зелёной» экономики, то сигналы из Брюсселя сыграли тут немалую роль. Ещё бы, по некоторым подсчётам, в 2019–2024 годах бюджеты частных предприятий нашей страны должны потратить свыше 4 триллионов рублей на продвижение декарбонизации. Это был мой первый тезис.

И второй короткий тезис. Европейская политико-бюрократическая машина в силу своей массивности продолжает экспансию в сопредельные регионы по принципу сообщающихся сосудов. Меня это интересует не отвлечённо, потому что в последние годы я занимаюсь Черноморским регионом и частично Балканами. Так вот, в Причерноморье сегодня всего два государства — члена ЕС: Румыния и Болгария. Но инструментарий для внедрения в данный регион своих политических установок у Брюсселя, поверьте, полновесный.

Перечислю несколько элементов, чтобы подкрепить свой тезис. Там есть European Neighbourhood Instrument (Инструмент европейского соседства) и его программы. Есть Black Sea Synergy (Черноморская синергия). Есть Facility for Blue Growth (Механизм для «голубого роста»). Есть «Горизонт 2020», есть соглашения о свободной торговле и так далее.

Хочу сделать небольшое обобщение: Европейский союз предлагает расположенным здесь странам цельную и проработанную стратегию развития. Стратегию! Под неё есть фонды, есть программы, есть конкретное финансирование на миллиарды евро. А такую стратегию, нравится нам с вами это или нет, не способны сформулировать ни Соединённые Штаты, ни Россия, ни Китай — никто. Конечно, обещания европейцев (кто-то скажет: посулы) далеко не всегда выполняются. Конечно, едва ли не в каждой стране есть настроения разочарования. Но в целом Балканы и все страны Причерноморья — под целенаправленным влиянием Брюсселя — видят перспективу прежде всего на путях интеграции в ЕС.

Другое дело, что этот регион — и Балканы, и Черноморье, — наверное, как никакой иной предоставляет благоприятные возможности для взаимодействия России и Евросоюза. Противоречия, конечно, здесь есть. Но стоило бы постараться их разделить на мировоззренческие и практические. Первые, насколько возможно, вынести за скобки, а вторые минимизировать. Но это уже отдельная история.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Семён Аркадьевич Экштут, прошу вас.

С.А. Экштут, *заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук*

Спасибо большое, Александр Николаевич. Я хочу несколько развеять тезис уважаемого докладчика о том, что ситуация, которая сложилась сейчас, абсолютно не уникальна.

Несколько недель назад мы праздновали 300-летие Российской империи. Но тогда, когда Пётр Великий провозгласил себя императором, казалось, что Российская империя сопричислена к великим европейским державам всерьёз и надолго. И с этого момента никакие дела в Европе не могут вестись без России. При этом, когда в 2009 году мы отмечали юбилей, круглую дату — 300-летие Полтавской битвы, то приезжающие сюда шведы, а тогда ещё были активные научные контакты, всё время говорили о том, что, знаете, вот мы, конечно, проиграли Северную войну с вами, мы перестали быть великой державой, но зато какой счастливой страной мы стали; мы сразу отказались от имперских амбиций, после того как проиграли битву под Полтавой, мы стали заниматься внутренними делами, и нам стало хорошо, вот и вам так бы вести себя!

Но при этом они лукавили, потому что Великая Северная война продолжалась ещё 12 лет. Ништадтский мирный договор был заключён в 1721 году. И шведы лукавили, что они отказались от каких-то имперских амбиций, потому что Швеция после этого трижды пыталась взять реванш и воевала с Российской империей. Об этом как-то мало помнят. Воевала при Анне Иоанновне, а мир заключили при Елизавете

Петровне. Причём эту войну называют — это 40-е годы XVIII века — «войной ветеранов», потому что ветераны Великой Северной войны вновь сошлись на поле битвы. Но никаких территориальных изменений война не вызвала.

С.А. Экштут

Потом, при Екатерине Великой, когда Россия воевала с Оттоманской Портой, Швеция вновь попыталась взять реванш и в Петербурге слышалась артиллерийская канонада. Но тоже был заключён мир, и тоже без каких-то территориальных изменений. И, наконец, в 1808–1809 годах Российская империя при Александре I воевала со Швецией и завоевала Финляндию.

Итак, Швеция в XVIII и XIX веках трижды пыталась взять реванш за поражение в Северной войне и трижды была бита. Финляндия, более ста лет входившая в состав Российской империи и в 1917 году получившая государственную независимость из рук Советской России, в XX веке дважды — в 1940-м и в 1944-м — едва-едва её не потеряла из-за упорного нежелания считаться с интересами государства Российского.

Если взять любой период 300-летней истории Российской империи, мы можем зафиксировать, что Европа крайне негативно относилась к тому, что Россия может играть какую-то роль в Европе. И каждый раз, когда Россия на это претендовала, Европа старалась одёрнуть её. При Елизавете Петровне в разгар войны за австрийское наследство русская армия двинулась к Рейну, дошла до Рейна и положила конец войне. Но тем не менее при заключении мира русскую делегацию не пригласили, чем оскорбили Елизавету Петровну, сказав: «А, собственно, кто рассматривает вас в качестве равноценного партнёра?»

После того, как русская армия дважды входила в Париж, были предприняты ожесточённые попытки сделать так, чтобы как-то выдавить Россию из Европы. Во всяком случае усиленно муссировались разговоры о том, что Россия одержала победу в войне не благодаря своей армии, а благодаря стечению обстоятельств, начиная с мифа о «генерале Морозе» и кончая тем, что в Париж входили какие-то орды казаков. То же самое наблюдалось при Николае I, когда Европа, наконец, не выдержала и включилась в Крымскую кампанию, которая стала Восточной войной.

То, что происходит сейчас, не является каким-то исключением и внушает мне очень большой оптимизм, потому что Россия как-то всегда находила выход вот из этих непростых ситуаций. Все три века своего существования Российская империя с завидной регулярностью сталкивалась с серией таких непростых, я бы не назвал их конфликтными ситуациями, но я бы назвал их проблемными ситуациями, когда Россия либо балансировала на грани войны, либо даже была вынуждена в эти войны вступать. Но каждый раз это приводило к тому, по словам Екатерины Великой, что Россия была вынуждена напрягать свои силы и демонстрировать всему миру свои исполинские возможности.

Российская история — это процесс постоянного усиления страны вопреки её врагам. К такому выводу пришла Екатерина 26 января 1791 года:

«Если события, следовавшие одно за другим в наше столетие, были славны для России; если её завистники были часто поражены удивлением, ... надо искать причину только в интригах и злоумышлениях врагов этого государства; они хотели причинить ей великие бедствия и тем поставили её в необходимость развернуть силы, никем не подозреваемые, так как те, которые более всего заинтересованы, менее всего знают Россию. Все войны, которые они возбуждали, всегда служили только к навыку наших войск, и так нам помогали подвигаться вперёд…»[1].

Я хочу сказать, что я с оптимизмом смотрю на выход из этого конфликта. Может быть, с избыточным, как это может показаться присутствующим, но я верю в разумное разрешение вот этой непростой проблемной ситуации. Спасибо большое.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Кто ещё хотел бы выступить? Пожалуйста, Яков Моисеевич.

Я.М. Миркин

Две минуты, короткое выступление.

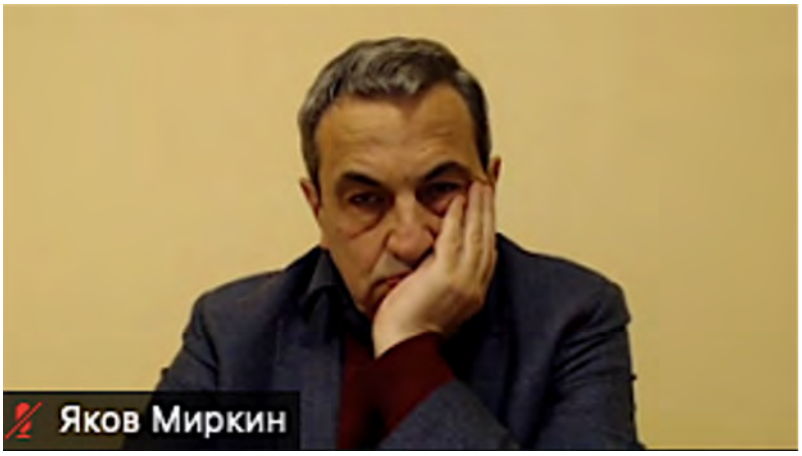
Первое — это долгосрочная точка зрения. Может быть, не на 6 лет, а на 7–10–15 лет. Второе — мы, к сожалению, страна с убывающими ресурсами. Мы живём по внутренней игре на ослаблениях. В первую очередь на ослаблении экономики и при убывающем населении — третье — не арьергардной страны, потому что речь идёт о стране, которая способна уничтожить противника. В общем-то, в этом смысле давление — долгосрочное, должно быть очень сильное. И в этом смысле это игра, скорее, на разрыв такой серой, кипящей зоны вокруг, возможно, с нарастающим хаосом, где мы уверенно втягиваемся в неё лоб в лоб. Втягиваемся последовательно, обрабатывая мозги населению. Втягиваемся, закрываемся и так далее, при том что создали очень небольшую открытую экономику, подверженную всем шокам, финансовым ветрам и так далее. Поэтому долгосрочный прогноз — это на разрыв.

И четвёртое, последнее — а что делать? Очень важно переменить позицию. Очень важно, финансистам это хорошо известно, на рынке вовремя переменить позицию, сделать её обратной. Я экономист, поэтому для меня одним из решений является

---

[1] Цит. по: Экштут *С.А.* На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 19–20.

быстрорастущая экономика. И это отдельный разговор. Хорошо известно, как это сделать. И такая усиливающаяся быстрорастущая экономика неизбежно, шаг за шагом, приводила бы к замораживанию многих других конфликтов.



Я.М. Миркин

Конечно же, слова «переменить позицию» должны быть применены и в других сферах жизни, там, где я не специалист. Но неожиданное оригинальное макрорешение переменить позицию — без этого игра будет на разрыв, на ослабление. Лобовая, пустая, с заведомо известным финалом игра.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. На самом деле это очень занятно, когда все знают, как нужно сделать быстроразвивающуюся экономику, кроме тех, кто этим по должности занимается. Они почему-то не знают. Или делают вид, что не знают.

Я.М. Миркин

Это отдельный разговор.

А.Н. Привалов

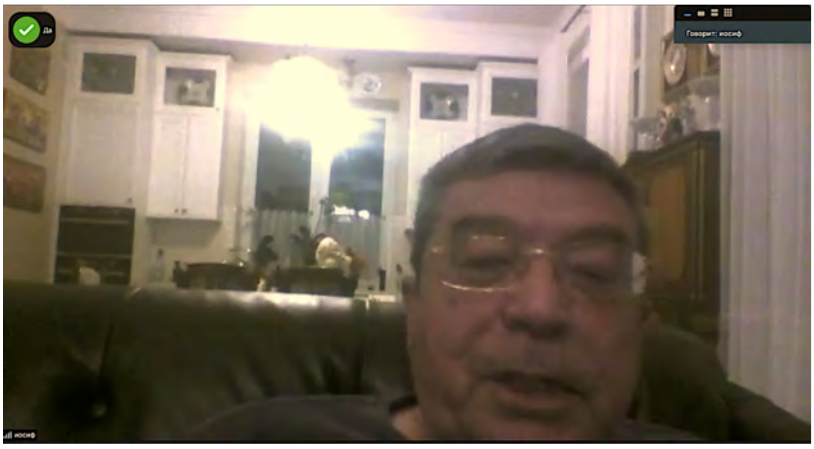
Господин Дискин, прошу.

И.Е. Дискин, *научный руководитель ВЦИОМ, профессор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук*

Спасибо большое. Прежде всего я хотел бы поблагодарить Фёдора Александровича за, как всегда, совершенно замечательное, на поверхности простое, изложение предельно сложных проблем. Ничего кроме интеллектуальной радости слушать подобное не вызывает.

В нескольких словах я хочу выразить своё видение того, что услышал. Понятно, что был представлен взгляд политолога, политического аналитика, для которого, в силу того что «каждый пишет, как он слышит», политические и государственные

оболочки являются теми фигурами, которыми он играет. И это правильно, потому что в соответствии с теоремой Томаса — социологи хорошо знают, что это такое, — как мы видим, как мы воспринимаем, так мы и играем.



И.Е. Дискин

Я хотел бы предложить ещё одно измерение происходящего, которое вряд ли будет оптимистичным, но по крайней мере позволит несколько иначе видеть происходящее. Сегодня, когда мы видим позицию государственно-политических институтов обобщённого Запада, мы не всегда осознаём тот факт, что это эманация определённой гражданской религии. В этой аудитории я уже не раз говорил о том, что мы имеем дело с некоей неолиберальной аксиоматикой, которая не может подвергаться сомнению. И в силу этого она приобрела статус гражданской религии. На эту тему написано уже много томов.

Но существенно то, что эта религиозная позиция, пока не приобретала ультимативный характер, она как-то ещё удерживала то, что называется «западный консенсус». Но в тот момент, когда она начала действовать совсем уж напролом, ей стали противостоять силы, для которых это стало покушением на их смысловые жизненные ценности, что было для них непереносимо.

Сегодня в обобщённом Западе формируется фундаментальный, я подчёркиваю, раскол. С одной стороны те, кто разделяет ценности и нормы неолиберальной гражданской религии и собирается им следовать и по этим нормам жить. С другой стороны те, чьё в значительной степени тоже религиозное сознание диктует *свои,* другие смысловые жизненные ценности, отстаивание которых выдвигает их на активные социальные и политические позиции. В этом смысле (я тоже уже говорил в этой аудитории) ситуация в Америке сегодня является ярким воплощением идеологической диспозиции ценностей, которая пронизывает все стороны жизни, включая школьный спорт.

Я не знаю, в курсе ли коллеги, какая битва идёт в судах по поводу того, как девочки проиграли трансгендерам и так далее. В качестве примера приведу, как эта неолиберальная гражданская религия стала овладевать институтами, которые

раньше, казалось, были совсем вне идеологии и политики. Недавно, три дня назад, Международный олимпийский комитет выпустил манифест — это ещё не норма, манифест, — в котором он высказал свою позицию по отношению к женскому спорту. В основе этой позиции — фундаментальный критерий ровно той самой неолиберальной религии, что гендер определяется текущим самочувствием человека. В манифесте прямо так и записано, что в этой связи запрещается применять какие-либо медицинские освидетельствования, недопустимы гинекологические исследования и пр.

Я не знаю, как отреагируют, например, на это Олимпийский комитет Индии и ещё целого ряда стран. Я не буду говорить про Китай, это понятно. Как вообще можно было до такой степени самообольщаться, чтобы вбросить в совсем не западную среду радикальные ценности неолиберальной религии.

Теперь возвращаюсь к тому, о чём говорил Фёдор Александрович. Но этот раскол захватывает в целом Европу. В странах, где католицизм является влиятельной религией, преобладает альтернативная нелиберальной позиция — это Венгрия, Польша, аналогичная ситуация поднимается в Словакии, Северная Италия и так далее.

Но и в протестантских странах заметны схожие тенденции. В бытность свою председателем профильной комиссии Общественной палаты мне пришлось переговорить с тремя десятками протестантских священников, которые в ужасе от происходящего и говорят о том, что готовы пойти ради гражданского мира на какие-то соглашения, но всему есть предел. Прихожане говорят им, что не в состоянии мириться с тем, что попирается то, что завещал Господь. Они же Библию читают, Евангелие. И всё-таки даже мы в своём секулярном сознании понимаем, что вера в загробную жизнь и вера в Спасителя — это штуки очень серьёзные.

Поэтому моё видение, основанное на определённых исследованиях, состоит в следующем. Сопротивление догмам неолиберальной религии не ограничивается только радикальными социально-политическими кругами. Под их влиянием сопротивление начинает проникать и в правящие партии. Яркий пример такого процесса — как поменялась позиция христианских демократов по поводу мигрантов. Первоначально они и слышать не хотели об ограничениях миграции, но, когда «Альтернатива для Германии» начала получать электоральные результаты, их позиция поменялась. Более того, поменялась позиция по отношению к мультикультурализму и у социал-демократов.

К чему я это говорю? Глубокий цивилизационный раскол, который приобретает формы межрелигиозных войн, будет в значительной мере определять будущее объединённого Запада. Это значит, что если отрешиться от внешних форм и обратиться к фундаментальным ценностям, то выяснится, что у России в этом плане имеется большое количество союзников.

Если посмотреть данные социологии на предмет того, кто для консервативных кругов является международным лидером № 1, я думаю, что ответ очевиден, его даже и произносить не следует. Поэтому возникают предпосылки для не политической, а цивилизационной консолидации тех, кому важны традиционные ценности, для кого различение между мужчиной и женщиной является биологически, генетически определённым. И если мы сможем использовать это направление консолидации, то я

убеждён, что соответствующие силы могут набрать политический вес не меньший, чем те, кто проявлял солидарность с Советским Союзом в борьбе за мир и против ядерной войны. Спасибо большое!

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Действительно приятно надеяться хоть на что-то. Если позволите, предоставлю слово господину Мазурику. Прошу вас.

В.П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Спасибо за очень интересный доклад, прояснивший для меня формулировку и семантику многих социально-экономических терминов, и мне захотелось дополнить значение некоторых из использованных ключевых слов, таких, например, как «нестабильность» и «неопределённость». Что мы под этим понимаем?

В.П. Мазурик

Ведь и то и другое постоянно повторяется в истории и по схожим причинам. Изменения климата когда-то далеко превосходили сегодняшние. Случались экономические кризисы и рецессии. Были эпидемии гораздо более страшные по своим летальным последствиям в соотношении с тогдашним населением Земли. Но вот нынешний масштаб цивилизационного кризиса — похоже, редкое явление. И основание у него очень глубокое, рождение новой информационной среды радикально изменило почти все аспекты жизни человека — от обороны и экономики до образования и культуры. В чём-то это даже превосходит возникновение письменности и книгопечатания.

Ещё совсем недавно главным фактором глобализации была экономика с её транснациональными корпорациями, перекраивавшими политическую карту мира, а до этого и военные механизмы образования и распада империй. Сегодня же все карты на столе оказались смешанными. Маленький Тайвань может практически монополизировать рынок компьютерных плат, а группа IT-специалистов в одночасье сотворить финансовую суперимперию. Эпоха Интернета сместила всю аксиологическую картину.

Когда-то экономика обеспечивала первичные потребности человека, необходимые для его выживания. Но сегодня задающий все мировые тренды «золотой миллиард» переключился на принцип так называемой геймеризации (или геймификации) всего и вся, включая политику, культуру и т.д.

Политические дебаты превратились в ток-шоу, образовательный процесс — в «эдьютейтмент», наука — в сенсационный хайп или социальные страшилки. Ещё удивительнее реакция общества на всё это. Так, на днях председатель Следственного комитета Александр Иванович Бастрыкин заявил, что надо отменять ЕГЭ. А что останется? Советская школа в новых условиях уже невоспроизводима при всем к ней уважении, она предназначалась для другого общества. И почему тревогу бьёт правоохранительная система, а не отечественная Академия образования?

Журналисты наши как заклинание твердят, что мы-де противостоим западной бездуховности с её 68 гендерами, и т.д., но на поверку наша молодёжь если и прикасается сегодня к бумажным книгам, то это в лучшем случае «Гарри Поттер» или «Властелин колец», их герой — Человек-паук, а поп-кумир — Моргенштерн. Редко что попадает в их видоискатель за пределами игровой культуры постмодерна.

Ещё один тезис нашей прессы — противостояние с Западом, но давайте попробуем отличить внешнюю политику от внутренней в нашей стране, где зачастую природными ресурсами и ключевыми позициями в крупнейших банках владеют зарубежные игроки, где семьи и деньги правящей элиты — в офшорах, где одно время чуть не легализовали криптовалюту (что само по себе свидетельствует о недоверии к валюте национальной).

Любимая тема политологов — «поворот на Восток», но туда уже поворачивались в своё время колонизаторы и миссионеры, торговцы и философы (игравшие понятиями «дхарма», «карма» и т.д.). Теперь же Восток сам пришёл к нам, и притом не только в виде послушных гастарбайтеров, но со своей культурной программой преобразования Запада. Один мой знакомый, любитель путешествий, недавно сказал мне, что отменил поездку во Францию, ибо не хочет попасть под «разборки» между отдельными исламскими группировками, которые и между собой не очень ладят, да и молодёжь исламская, может быть, в меньшей степени, чем, скажем, наша (я уж не говорю о японской или американской) — заложница всё той же посткультурной системы, у неё такое же «тиктоковое» мышление со всеми вытекающими.

Фрэнсис Фукуяма заявил о конце истории, очевидно, имея в виду историю как её понимало европейское Просвещение. Сразу стали возникать прогнозы будущего — от борьбы племён до глобальной супердиктатуры. При этом никто не хочет всерьёз обсуждать тот аспект культуры, который и сегодня реально направлен в будущее, — я имею в виду систему образования, которая просто не пережила сегодняшний информационный кризис. Так что у многих моих университетских коллег на этой почве рождаются даже всякие конспирологические теории о сознательном разрушении системы ценностей, выработанной всем ходом истории. Извините за пессимистический финал.

А.Н. Привалов

Спасибо, Виктор Петрович. Тут нам в чате пишут, что, может быть, не всё так печально? Может быть, вы несколько преувеличиваете расплывчатость верований нашей молодёжи? Ну не знаю, не будем вдаваться сейчас в дискуссии. Рустам, я правильно понимаю, что…

И.Е. Дискин

Можно я справочку дам по поводу молодёжи? Буквально на 30 секунд.

А.Н. Привалов

Если кратко, да. Прошу вас.

И.Е. Дискин

Исследования показывают, что приблизительно 70% современной молодёжи ориентируется на традиционные ценности. И только 3–5% ориентируются на представление о множественности гендеров.

А.Н. Привалов

Спасибо. Но я бы не стал преувеличивать ценность ни этих исследований, ни того, чего опасается Виктор Петрович. Потому что огромное количество людей, взрослых, не очень взрослых, тем более молодых, описываются известными строчками русского классика: «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет». Сегодня такое дуновение из Интернета, завтра другое. Всё это не очень устойчиво.

Рустам, прошу вас.

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо. Хотел бы вернуться к названию нашей темы «Новая Европа — старые оппоненты». И оттолкнуться от собственного вопроса про Балканы. Оппоненты мы очень старые. Это оппонируют друг другу два Рима — Восточный и Западный. И, на мой взгляд, тут ничего существенным образом не изменилось. Кроме того, что Восточный Рим в 1917 и последующие годы потерял свою идентичность. И до сих пор её восстанавливает. В частности, «взаимно интересные» игры Российской Федерации с Турцией в ущерб Армении — это признак советского имперства, а не российского.

Последовательное восточно-римское имперство предполагает, что мы строим единый военно-оборонительный и цивилизационный контур со странами восточного христианства. Даже не только православия, потому что есть и сирийское христианство, и Эфиопия, и уж определённо Армения. Когда в новой Европе сражаются старые оппоненты, нам важно использовать старый язык, традиционные термины. Нам это тем легче (о чём сказал Иосиф Евгеньевич), что сейчас восточное христианство почти равно европейскому христианству вообще. Россия может предложить восточно-христианский идеал западной половине Европы.

Упоминалось 300-летие империи. Это, конечно, 300-летие самоименования империей. Российской империи 540 лет, если считать от Угры, или даже 550, считая от приезда Софьи Палеолог. Наверное, правильнее от Угры. Есть ещё 520 лет от венчания императорским чином Димитрия, внука Ивана III. В любом случае, начало империи — правление Ивана III. В этом смысле установление гражданского почитания Ивана III стало бы признаком имперского самосознания России как Восточного Рима.

На этом примере видно, что можно и нужно делать в культуре. Не столь понятно, коль скоро я не политолог вовсе, как переводить это на язык политической, дипломатической, военной практики. Полагаю только, что часть восточноевропейских стран включена в западный контур надолго, а часть будет полем сражения.

Р.Э. Рахматуллин

Но сначала необходимо самоосознание империи. Здесь нам в помощь не столько Хантингтон, сколько Данилевский с поправкой Леонтьева. Именно русская историософская мысль пришла к понятию культурно-цивилизационных типов. Леонтьев очень верно поправил Данилевского, сказав, что наш тип — не славянство, а византизм. И ещё одна поправка — скептицизм Достоевского и того же Леонтьева в отношении цивилизационной идентичности народов Балкан и других после освобождения от внешнего господства.

Самое критичное — это ближний контур, даже не совсем имперский. Контур, так сказать, «русской реконкисты», перспектив интеграции трёх стран Руси. Не вижу внутренних метафизических причин раздельного существования трёх русских стран. Полагаю, что причина этого изначально внешняя — литовская и польская экспансия. Польская — уже в XIV веке в Галиции, в остальных княжествах Юго-Запада — сначала литовская. Полагаю, что литовское, а не ордынское наследство — самая большая русская проблема до сего дня. Это проблема литвинства. То есть несуверенной русскости. Эта проблема так себя и формулирует в Белоруссии, когда часть русских называет себя литвинами, то есть несуверенными русскими. На Украине проблема так себя не формулирует, но мы видим то же самое литвинство, к тому же наступающее на Новороссию.

Решение проблемы Юго-Запада — в преодолении его согласия существовать несуверенно. Это ближайшая и самая тяжёлая задача. Я опасался и был почти уверен, что Белоруссия рухнет, когда поколение, воспитанное в литвинстве университетом и школой, выйдет на улицу. Но прошлый год дал надежду. Тот, кто отпустил ситуацию, воспитал это поколение, закрыл глаза на литвинство в высшем и среднем образовании, — он же, кажется, и опомнился.

В отношении Украины и Новороссии согласен с Фёдором Александровичем, что, вероятно, мирные пути исчерпаны.

Добавлю, что во всяком имперском движении нужно различать завоевание — и отвоевание, освобождение. Российская империя всегда понимала себя как освобождающую. Такая империя не выходит за границы ответственности Восточного Рима. Если же она

выходила за цивилизационный контур, как в Средней Азии, то теряла высокую мотивацию. Оставалась колониальная мотивация. И художник Верещагин переставал понимать, что он пишет, и писал только гибель русских солдат, их жертвы, их мучения. Тогда как на Балканах он понимал, за что солдаты погибают. И солдаты понимали.

Заметьте, что в русской культуре почти или совсем нет государственного заказа на оправдание завоевательных движений. Заказ в русской культуре бывает на оправдание только освободительного движения. Вспомните фильм «Адмирал Ушаков», один из немногих, посвящённых Екатерининской эпохе: акцент делается на освобождение греческих островов, а за пределами восточноевропейского контура — на освобождение итальянских королевств от нелегитимной власти.

Если Россия сознаёт себя как освобождающую империю, у неё появляются перспективы в борьбе старых оппонентов в новой Европе.

А.Н. Привалов

Спасибо, Рустам. Чрезвычайно интересно. Мне многое созвучно из того, что вы говорили. Но я не о том, я просто обращу ваше внимание на нечаянную рифму. Профессор Миркин сказал нам, что всем понятно, что надо делать в экономике, но это не делается. Вы нам только что сказали, совершенно понятно, что надо делать в культуре, но этого тоже никто не делает. Кто ещё хотел бы выступить? Прошу.

Р.Э. Рахматуллин

Простите, буквально ещё одно. Не отдавать слово «Европа» на Запад. Это у Фёдора Александровича проскочило, когда мы говорили о Черногории и Македонии. Нет же, есть две Европы, и мы — одна из них. Только так. Всегда приставлять к той «Европе» слово «западная». Правильно определять себя.

А.Н. Привалов

Но они, собственно, так и считают. Они считают Европой только западную, да. Кто ещё хотел бы высказаться, прошу вас. Есть ещё желающие? Не вижу никого. И по времени управились.

Фёдор Александрович, все выступавшие с огромным единодушием говорили, как интересно вы выступили. Вам предстоит выступить ещё раз, теперь с заключительным словом. Отчасти, может быть, подвести итоги прозвучавшего.

Ф.А. Лукьянов

Большое спасибо. Мне тоже было крайне интересно послушать дискуссию, потому что я всё-таки в большей степени кручусь в текущих, довольно прикладных политических сферах. Это тоже сбивает иногда фокус.

Я хотел бы сказать две вещи. Во-первых, я думаю, что мало кто из присутствующих, и я в том числе, с симпатией и энтузиазмом смотрят на ту самую новую религию, о которой говорил Иосиф Евгеньевич. Действительно ошарашивают некоторые проявления. Хотя есть некоторый элемент линзы, которую мы имеем. Потому что нам кажется, глядя на то, как это всё освещается, что такое просто всё. На самом деле, конечно, и Запад тоже всё-таки не настолько монолитен, и даже мейнстрим. Но в целом понятно, что да, это очень мощное новое движение.

Но при этом, боюсь прозвучать пессимистом, я что-то не очень уверен в том, что Россия обладает потенциалом, и желанием, и возможностями сплотить консервативный мир и повести его куда-то. Эти идеи я слышу очень часто от своих коллег. И дискуссия там о национальной идее, о национальной миссии, она сейчас опять возобновилась активным образом. Мой старший коллега Сергей Александрович Караганов очень много об этом говорит и пишет. И, честно говоря, как только начинается обсуждение, в чём эта идея может заключаться, всё быстренько сводится к довольно абстрактным заявлениям, исходящим из того, что есть вот западные радикалы, а есть остальной мир, который против них и, соответственно, за нас. По поводу радикалов — да. По поводу остального мира за нас — не знаю. Например, упомянутые Иосифом Евгеньевичем индийцы и китайцы, безусловно, к нормам Международного олимпийского комитета отнесутся с недоумением. Но если выяснится, что их надо соблюдать, для того чтобы получить ещё 50 медалей, — значит, назначат кого-то, кто будет это соблюдать.

Мне кажется, что мы иногда не понимаем, что незападность в другом. Она как раз в том, что им плевать на те дискуссии, которые ведёт Запад и которые мы ведём с Западом. С их точки зрения, наша одержимость идеей борьбы с нетрадиционными всякими ценностями — о чём говорилось и о чём говорил и Рустам Эврикович, — что мы часть Европы... Да, мы часть Европы, мы в этом варимся и не можем из этого выйти. И всё время возвращаемся к этому снова и снова: «Нет, вы послушайте. Нет, вы посмотрите...».

Это я не к тому, что мы неправы, просто это абсолютно не основание для того, чтобы кого-то за кем-то вести. Та же Индия — это настолько другая культура, что у них, я думаю, легко можно найти и то, что вполне впишется в новую западную религию. Китай, понятно. Смешно очень бывало, сейчас меньше стало, когда говорили, что вот Бразилия наш союзник консервативный, потому что она католическая. Я вас умоляю! Левая разболтанная страна, в которой вообще чего только не происходит!

Поэтому мне кажется, что наша проблема как раз в том, что мы слишком привязываем себя к необходимости миссии идеологии. Я не специалист, я охотно признаю, что я могу неправильно трактовать, но империя — освободительная, или покорительная, или экспансионистская, какая угодно, конечно, нарратив определяет много, но, на мой взгляд, империя — это такой сфинкс, которому, в общем-то, по барабану. Он себя хранит, расширяет, и в этом качестве он очень важен.

С чем я согласен, когда многие коллеги говорят, что Россия – важнейший элемент мировой стабильности. Сто процентов! Сохранение России как этого имеющегося монолита, поддержание внутренней устойчивости и сохранение возможности проецировать силу для купирования нестабильности — это важнейшее достояние мира, против которого возражает Запад. Но Запад возражает, потому что он безумен. Потому что они полагают, что России не будет, и будет хорошо. А будут кранты полные. А нам просто надо понять, что вот в этом и есть, в этом и заключается, мне кажется, наша миссия.

И, с одной стороны, я прекрасно понимаю то, что говорил Рустам по поводу восточного христианства, Армении и так далее. С другой стороны, вы знаете, вот прошлогодняя ситуация в Армении, когда действительно очень многие упрекали и

продолжают упрекать Россию в том, что она недостаточно «вписалась», как сейчас говорят. Нельзя вписываться за труху! Армения как государство – это абсолютная труха, оказалось. Вот это поразительно, это странно и горько, но это — ничто. Ну понятно, проблемы, экономическая отсталость, замкнутость, всё понятно. Но мы полагали, что по крайней мере с национальным духом, тем более когда речь идёт о войне с главным врагом, — мы думали, с национальным духом там всё нормально. Ничего подобного! Всё сгнило. И вот что? Я считаю, что Россия поступила предельно аккуратно и грамотно. Россия защитила Армению, иначе вообще непонятно, что осталось бы от неё. С их этой фанаберией, которая, оказалось, сочетается с полным недееспособием.

Это я не к тому, что надо армян бросать. Боже упаси! Этого, конечно, нельзя делать. И кстати, Путин в этом случае очень чётко сформулировал в прошлом году, я с ним разговаривал тогда на Валдае, — он очень правильно сказал, что это два народа (Азербайджан и Армения), которые для нас важны. Мы не допустим того, чтобы они друг друга уничтожали. Мы знаем опыт геноцида, и этого никогда больше не будет. Вот миссия! Обеспечивать политическое управление очередным прохиндеям, который в одном и другом государстве якобы под пророссийскими лозунгами чего-то делают — Боже упаси!

Мне кажется, что как раз вся постсоветская история показала, что Россия не умеет менять режимы в важных для себя регионах. Ну не умеет! Не было таких прецедентов. Когда нам что-то шьют, будто к власти приходили люди, которые для России лучше, чем для других, — Янукович, например. Но это фигня, потому что Янукович или Алиев в своё время, или Шеварднадзе — это были продукты внутренних процессов. Это абсолютно неверно. Мы не умеем, американцы умеют, британцы умеют. Мы не умеем. И слава Богу! Значит, не надо пытаться. Потому что, когда говорят, что мы должны то, мы должны это, — ничего хорошего не получится. Когда пытались — только хуже.

Короче, я прежде всего за самоуважение, за самодостаточность. Что делать — то, о чём говорил Яков Моисеевич по поводу экономики, — ничего не знаю. Знаю, что что-то надо делать. Но, безусловно, без этого ничего не получится в долгосрочной перспективе. Наша экономическая слабость в течение ближайших нескольких лет может быть компенсирована военной силой и дипломатическим куражом некоторое время. Но это очень конечный ресурс. И не надо идти по пути Эрдогана.

Спасибо вам огромное. Мне было очень интересно. А на улице, между прочим, уже просто всё занесло. Так что хорошо, что мы никуда не идём.

А.Н. Привалов

Хорошо, что мы в зуме? Ещё раз спасибо, Фёдор Александрович. Я скажу буквально несколько слов напоследок. Чтобы не искать экивоков, прямо скажем, тот разгром, который претерпело наше Отечество 30–35 лет назад, не то что вполне сравним, но и превзошёл то, что произошло во времена Восточной или Крымской войны. И очень важное слово сказал тогда наш канцлер, князь Горчаков. Очень важное слово, которое нам бы хорошо вспомнить. И сегодня многие из выступавших, в сущности, об этом говорили. Он тогда сказал, что Россия сосредоточивается. Россия не сердится, Россия не обижается, Россия сосредоточивается. Вот так бы нам и надо.

Мы примерно, по крайней мере те, которые сейчас здесь собрались в этом зуме, мы примерно представляем себе, что надо делать в экономике. Некоторые из нас представляют себе, что надо делать в культуре. И всё это всегда наша внутренняя проблема.

Наша так называемая полемика с западными радикалами смехотворна, потому что она сама по себе есть капитуляция. Потому что она идёт по их повестке. Наша задача не в том, чтобы в их повестке выиграть две или три шахматные клетки. Даже если это возможно, это абсолютно бессмысленно. Потому что само царствование этих повесток — это их победа. Наша задача имеет свою повестку — сосредоточиться на себе и своих ближайших делах. Я имею в виду то, что нам сегодня так убедительно рассказал Фёдор Александрович, что всё это очень надолго. Это не короткий турбулентный период. Это очень надолго. И это надо встречать всерьёз.

Огромное всем спасибо! До следующей встречи!

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 116
«Новая Европа — старые оппоненты?»

Редактор выпуска *Наталия Румянцева*

nikitskyclub@moex.com
www.nikitskyclub.ru